

**Председателю Верховного Суда
Российской Федерации**

Адвокатов:

РЕЗНИКА Г.М.
Московская городская коллегия адвокатов
Адвокатское бюро "Резник, Гагарин и
партнеры"
123100, Москва, Шмитовский пр-д, д. 3;

ПАВЛОВА И.Ю.
Санкт-Петербургская городская коллегия
адвокатов
Санкт-Петербург, 191028 вб. ящик 258;

ПЫШКИНА А.Ф.
Приморская краевая коллегия адвокатов
Адвокатская контора № 15
690000, г. Владивосток, ул. Фокина,
д. 9, комн. 19

в защиту ПАСЬКО Григория Михайловича,
осужденного приговором Тихоокеанского
флотского военного суда от 25 декабря
2001 года по ст. 275 УК РФ к лишению
свободы сроком на четыре года.

НАДЗОРНАЯ ЖАЛОБА

Приговором Тихоокеанского флотского военного суда от 25 декабря 2001 года Григорий Михайлович Пасько признан виновным в совершении государственной измены в форме шпионажа, т.е. преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ. Осужденному назначено наказание, с применением ст. 64 УК РФ, в виде лишения свободы сроком на 4 года в исправительной колонии строгого режима. Кроме того, на основании ст. 48 УК РФ Г.М. Пасько назначено дополнительное наказание в виде лишения воинского звания "капитан 2 ранга запаса".

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, исключила из приговора ссылку суда первой инстанции на неправомерность присутствия Пасько на разборе зачетно-тактических учений сил ТОФ (ЗТУ ТОФ) и указание на незаконность контактов Пасько с иностранным гражданином. В оставшейся части приговор оставлен без изменения, кассационные жалобы защиты и кассационный протест государственного обвинителя без удовлетворения.

Вынесенный военным судом приговор в той части, в которой Пасько признан виновным, и состоявшееся по делу кассационное определение считаем незаконными и необоснованными.

ОСНОВАНИЯ ОБЖАЛОВАНИЯ

1. Обвинительный приговор постановлен в нарушение конституционного принципа состязательности и запрета преобразования к худшему.

В кассационных протесте и жалобах на первоначальный обвинительный приговор военного суда Тихоокеанского флота от 20 июня 1999 года стороны обвинения и защиты со своих позиций указывали на такие основания к отмене приговора как несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела и неправильное применение уголовного закона.

Военная коллегия Верховного Суда РФ определением от 21 ноября 2000 года, используя предоставленное кассационной инстанции право на ревизионный порядок проверки приговора (ныне утраченное в связи с принятием нового УПК), приговор отменила и направила дело на новое судебное рассмотрение не только по основаниям, предусмотренным ст.ст. 344, 346 УПК РСФСР, но также в связи с односторонностью и неполнотой судебного следствия (ст. 343).

Право суда второй инстанции принимать решения на основе проверки приговора в полном объеме никогда не было полным и ограничивалось запретом поворота к худшему (ст.ст. 340, 341, 350, 353 УПК РСФСР). С

принятием 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации, наделившей суд исключительной функцией осуществления правосудия (ч. 2 ст. 118) и закрепившей принцип состязательности судопроизводства (ч. 3 ст. 123), выход кассационной инстанции при ориентировании суда первой инстанции на полноту и всесторонность судебного следствия за пределы позиции, занятой стороной обвинения в кассационном протесте, стал абсолютно недопустимым. Состязательный процесс означает, что обвинение и защита осуществляются равноправными сторонами, а суд выступает как орган правосудия, разрешающий спор между ними.

Согласно решениям Европейского суда по правам человека, состязательная судебная процедура является гарантией права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (дела: Голдер против Соединенного Королевства, Делкорт против Бельгии, Фелдбрюгге против Нидерландов).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в кассационном определении от 17 апреля 2000 года по делу Никитина А.К. указала: **"С учетом требований ст. 118 и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, суд не вправе по собственной инициативе принимать меры к доказыванию виновности подсудимого в совершении преступления"**. Это определение вместе с оправдательным приговором в отношении Никитина оставлены без изменения постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 13 сентября 2000 года.

Пасько Г.М. на предварительном следствии было предъявлено обвинение в совершении десяти самостоятельных эпизодов государственной измены в форме шпионажа.

Военный суд Тихоокеанского флота, первоначально рассматривавший дело, не усмотрел в действиях Пасько состава государственной измены и переквалифицировал обвинение в полном объеме на ст. 285 ч. 1 УК РФ.

Приговор был опротестован и обжалован обеими сторонами. **При этом в кассационном протесте такая переквалификация оспаривалась не по всем, а только по 4-м эпизодам обвинения из 10-ти.** Содержание прокурорского протеста на этот счет абсолютно определено и не дает простора для различных толкований:

"Военный суд доподлинно установил, что Пасько передал подданному Японии – руководителю телерадиокорпорации "NHK", Эн-Эйч-Кей, сведения, составляющие государственную тайну, т.е. сведения о месте и времени отправки спецзшелона с **отработанным ядерным топливом (ОЯТ)** и получил за это денежное вознаграждение в долларах США...

Помимо эпизода сбора и передачи подданным Японии сведений о времени и месте отправки зшелона с ОЯТ - (государственной тайны), **суд бесспорно установил 3 эпизода сбора в интересах и по поручению подданных Японии сведений, составляющих государственную тайну** (по "Вопросам к предложению Российской стороны по утилизации ЖРТ"; утилизации АПЛ, вывозу ОЯТ), т.е. судом установлен и доказан в действиях Пасько состав преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ.

Вместе с тем, по надуманным основаниям, без мотивировки к какой-либо аргументации, суд **ошибочно квалифицировал ЭТИ ДЕЙСТВИЯ** Пасько по ч. 1 ст. 285 УК РФ, применив закон, не подлежащий применению".

Правомерность квалификации действий Пасько по эпизоду присутствия на заседании Военного Совета ТОФ и конспектирования выступлений его участников как злоупотребления должностными полномочиями оспаривалась только в кассационной жалобе стороны защиты. Поэтому суд первой инстанции, рассматривая дело после отмены первоначального приговора, **не вправе был в случае повторного осуждения Пасько по данному эпизоду применять закон о более тяжком преступлении, чем предусмотренное ч. 1 ст. 285 УК РФ.**

Тихоокеанский флотский военный суд при вторичном рассмотрении дела нарушил установленную Конституцией РФ составительную процедуру судебного процесса и стал выполнять по сути обвинительную функцию – выйдя даже за пределы указаний кассационной инстанции, суд по собственной инициативе при отсутствии ходатайств государственного обвинителя назначал повторную экспертизу, вызывал дополнительных свидетелей и истребовал документы, чем заново, самостоятельно формировал позицию обвинения.

В итоге суд не только в нарушение запрета преобразования к худшему осудил Пасько по эпизоду, не оспаривавшемуся в кассационном протесте, но и вышел за рамки предъявленного органами предварительного следствия обвинения (о чем подробнее ниже).

2. В действиях Пасько отсутствуют признаки государственной измены в форме шпионажа, даже если вразрез с материалами дела допустить, что он собирался поделиться с Тадаши Окано сведениями, полученными на заседании Военного Совета ТОФ 11 сентября 1997 года.

2.1. У следственных органов ФСБ не было особой нужды заботиться о чистоте квалификации приписываемой Пасько государственной измены, поскольку он обвинялся ими в том, что полученные 11 сентября 1997 года на разборе зачетно-тактических учений флота секретные сведения в середине сентября того же года **передал** и Тадаши Окано, и Такао Дзюну (с. 10 обв. закл).

Военный суд ТОФ, первоначально рассматривавший дело, не установил, что какие-либо сведения об учениях флота были переданы Пасько иностранцам, и констатировал в приговоре, что "проигнорировав в очередной раз требования Наставления по защите государственных секретов, он законспектировал на неучтенных листах выступления участников Военного Совета ТОФ и разбора учений".

Ни у органов предварительного следствия, ни у первого суда не возникало никаких сомнений в том, что заседание Военного Совета ТОФ и разбор зачетно-тактических учений флота были единым мероприятием и что Пасько присутствовал на нем оба дня – 10-11 сентября 1997 года – на законных основаниях – в качестве исполнявшего обязанности ответственного редактора газеты "Боевая вахта".

2.2. В приговоре от 25 декабря 2001 года обвинение Пасько в шпионаже подверглось кардинальным изменениям. Суд посчитал, что эта форма государственной измены состояла в том, что Пасько присутствовал на разборе тактических учений **неправомерно**, явился туда единственно с целью собрать государственные секреты для Окано и затем незаконно хранил секретные

сведения для передачи подданному Японии. Изменение обвинения таким образом выразилось в том, что, во-первых, Пасько не имел права присутствовать на разборе учений и, во-вторых, его преступная деятельность не завершилась в середине сентября, а продолжалась вплоть до 20 ноября – дня изъятия конспективных записей при обыске по месту его жительства.

Изменению обвинения в приговоре предшествовало изменение обвинения в речи прокурора – государственный обвинитель **отказался от обвинения в передаче сведений**, составляющих государственную тайну, но взамен этого обвинил Пасько в том, что тот **"незаконно проник** на проводившийся разбор зачетно-тактических учений мобильных сил флота".

2.3. Военная коллегия Верховного Суда РФ **исключила из приговора указание о том, что Пасько присутствовал на разборе учений ТОФ "неправомерно"**, поскольку Тихоокеанский суд таким указанием "вышел за пределы предъявленного ему обвинения и ухудшил положение подсудимого" (с. 27 касс. опред.).

Кассационная инстанция, однако, посчитала, что такое изменение приговора никак не колеблет его существо, с чем нельзя согласиться.

В действительности противозаконный выход суда первой инстанции, а до этого прокурора в обвинительной речи, за пределы предъявленного обвинения не случаен. Такой выход явился плодом осознания судом и стороной обвинения, вступивших в конце судебного разбирательства в несомненный сговор на обязательное осуждение Пасько, того обстоятельства, что **при недоказанности факта передачи полученных сведений без вменения "неправомерного присутствия" обвинение в государственной измене полностью рушится.**

2.4. Статья 275 УК РФ предусматривает различные формы государственной измены. Как шпионаж изменнические действия могут квалифицироваться только тогда, когда лицо не располагает сведениями, составляющими государственную тайну, по службе (работе), а завладевает ими путем собирания или похищения (слово "шпионаж" происходит от французского – espionage, итальянского – spione, немецкого – spionage, означающих тайное собирание или похищение государственных секретов). Обладание такого рода

сведениями в силу того, что они доверены лицу по службе (работе), исключает их шпионское собрание, похищение или хранение, а передача представителям иностранного государства (организации) составляет иную форму государственной измены – выдачу государственной тайны.

В обвинительном заключении сказано:

"Капитан 2 ранга Пасько состоял на военной службе и **являлся секретноносителем**, то есть ему были известны сведения, составляющие государственную тайну, за работу с которыми он в установленном порядке получал в редакции газеты дополнительные надбавки к денежному содержанию в размере 20% от должностного оклада (с. 3 обв. закл.);

"10-11 сентября 1997 года Пасько присутствовал в качестве **представителя газеты "Боевая вахта"** в штабе Тихоокеанского флота в г. Владивостоке на заседании Военного Совета ТОФ, где **11 сентября производился секретный разбор** зачетно-тактических учений мобильных сил флота" (с. 9 обв. закл.).

Законность присутствия Пасько в качестве исполняющего обязанности ответственного редактора "Боевой вахты" на разборе зачетно-тактических учений мобильных сил флота в "соответствии со списком приглашенных на заседание Военного Совета ТОФ" (справка заместителя командующего ТОФ Рязанцева В.Д.) не вызвала никаких сомнений у Военного суда ТОФ, первоначально рассматривавшего дело, и признана им в приговоре.

Суд первой инстанции в обжалуемом ныне приговоре, прежде чем в нарушение ст. 254 УПК РСФСР выйти за пределы предъявленного Пасько обвинения, также констатировал факт его присутствия на заседании Военного Совета ТОФ "по официальному приглашению командования" (с. 2).

Устранение Военной коллегией Верховного Суда РФ нарушения процессуального закона, допущенного судом первой инстанции, восстановило обвинение, по которому Пасько был предан суду. **В рамках этого обвинения вменение Пасько в вину шпионского сбора сведений, доверенных ему по службе на заседании Военного Совета ТОФ, было изначально несостоятельным, ибо содержало в себе непримиримое противоречие.** Или шпионское собрание информации – или ее доверительное получение по службе. Одно исключает другое.

Не додумавшись до искажения единого мероприятия, проходившего в штабе ТОФ 10-11 сентября 1997 года, а скорее не решившись на подтасовку – в ходе расследования, в отличие от судебного разбирательства, она легко разоблачалась защитой – органы предварительного следствия квалифицировали как шпионское собирание конспектирование Пасько выступлений участников разбора учений. Но содержащаяся в обвинительном заключении формулировка "противоправно записал сведения" (с. 9) абсолютно абсурдна. Разбор учений проводился с одной целью – чтобы приглашенные на это мероприятие военнослужащие – секретносители, в том числе и офицеры-журналисты, использовали результаты учений в своей профессиональной деятельности. Необходимость фиксации получаемых сведений на любых учебных занятиях предполагается сама собой. В зависимости от способности слушателя к запоминанию и объема сообщаемой информации, она фиксируется либо в памяти, либо записывается. Вот почему формулировка "противоправно записал" равнозначна по своей нелепости формулировкам "противоправно запомнил" или "противоправно воспринял".

Свидетели Отекин и Верховод, ответственный редактор газеты "Боевая вахта" и его заместитель, неоднократно показывали, что представители редакции присутствовали на разборах учений флота и производили там записи (т. 2, л.д. 8-9; т. 24, л.д. 124).

По делу действительно установлено, что сведения о прошедших учениях Пасько в нарушение Наставления о защите государственных секретов в Вооруженных Силах СССР законспектировал на неучтенных листках. Но из дела также видно, что Пасько на протяжении длительного времени, задолго до знакомства с Окано, вне связи с иностранными журналистами и какими-либо отечественными изданиями, не соблюдал требования этого Наставления, за что подвергался дисциплинарным взысканиям. Так, на протяжении 1993 года Пасько объявлялись выговор, предупреждение и строгий выговор за "грубое, сознательное нарушение установленного порядка сдачи материалов в секретариат", "упущения в служебной деятельности и прямое невыполнение распоряжений и приказаний руководства редакции", "систематическое нарушение установленных правил подготовки к опубликованию материалов на военную тему". 18 сентября 1995 года Пасько получил строгий выговор "за разглашение в статье "Наш эшелон, лети вперед!" запрещенных к

опубликованию сведений", а 15 мая 1997 года еще один выговор "за некачественную подготовку материалов к публикации, приведшую к разглашению сведений закрытого характера". В основе этого дисциплинарного сюжета лежало принципиальное несогласие Пасько с вышеназванным Наставлением, которое он считал устаревшим, и конфликт с цензором Большаковым, нарушавшим, по мнению Пасько, Закон о средствах массовой информации.

Кроме того, секретной признана только небольшая часть сведений, содержащихся в конспекте, да и ее Пасько и в целом сторона защиты таковой не считает.

В любом случае наличие или отсутствие нарушений при конспектировании выступлений участников разбора учений не значимы для уголовно-правовой квалификации действий Пасько и не могут составить шпионское собрание государственных секретов.

2.5. Отсутствует в действиях Пасько и такая разновидность шпионажа как хранение сведений, составляющих государственную тайну.

Хранение в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну (так же, как и их передача), **предполагает, что эти сведения не были известны лицу по службе или работе.** В составе шпионажа, как формы государственной измены, хранение сведений, составляющих государственную тайну, имеет самостоятельное значение лишь тогда, "когда лицо их не добывало, а получило от другого лица на сохранение (для последующей передачи адресатам шпионажа) ... В остальных случаях хранение сочетается с предшествующим ему личным собиранием или похищением секретных сведений, т.е. рассматривается наряду с указанными действиями" (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Отв. ред. Первый заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.И. Радченко. М., Спарк, 2001, с. 664).

В приговоре указано, что сведения для передачи Окано Пасько "хранил незаконно" (с. 2). Очевидно, имеется в виду, что конспект находился у него не на работе в сейфе, а на квартире. Данное обстоятельство может быть

расценено в качестве нарушения порядка обращения с секретными документами. Никакого уголовно-правового значения оно не имеет.

Таким образом, исключение Военной коллегией Верховного Суда РФ из приговора указания о том, что Пасько присутствовал на разборе учений Тихоокеанского флота 11 сентября 1997 года "неправомерно", устраняет квалификацию действий Пасько как государственной измены в форме шпионажа. (Правовое заключение главного научного сотрудника Института государства и права РАН, профессора Наумова прилагается).

3. В нарушение требований уголовно-процессуального закона суд вышел за пределы предъявленного обвинения.

Согласно обвинительному заключению (с. 9-10), преступная деятельность Пасько продолжалась примерно неделю: с 11 сентября, даты разбора учений флота, по середине сентября 1997 года, когда полученные сведения были им переданы иностранцам.

После отказа государственного обвинителя от обвинения в передаче сведений, суд был вправе проверить и оценить оставшуюся часть обвинения – в собирании и хранении сведений до середины сентября 1997 года.

Однако суд, выйдя за пределы предъявленного обвинения, удлинил период совершения преступления с недели до двух с лишним месяцев и признал Пасько виновным в хранении сведений, составляющих государственную тайну до 20 ноября 1997 года, чем нарушил требования ст. 254 УПК РСФСР.

Защита полагает, что данное нарушение было произведено намеренно для того, чтобы применить уголовный закон, не подлежавший применению.

4. Суд неправильно применил уголовный закон.

4.1. Согласно части 4 статьи 29 Конституции РФ, перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен определяться федеральным законом. На момент вступления в силу Конституции (25 декабря 1993 года) не было закона, который бы определял перечень сведений, составляющих государственную тайну. Статья 5 действующей в то время старой редакции Закона «О государственной тайне» определяла другой

перечень – перечень сведений, **которые могли быть отнесены к государственной тайне, отнесены** после соответствующей процедуры.

Таким образом, с принятием Конституции России возникло несоответствие Закона РФ «О государственной тайне» ее положениям. Это несоответствие было устранено законодателем лишь в октябре 1997 года, когда в Закон «О государственной тайне» были внесены изменения. Изменения коснулись всей системы правовой защиты государственной тайны, которая была приведена в соответствие с требованиями Конституции. Статья 5 Закона «О государственной тайне» в **новой редакции**, вступившей в силу лишь 9 октября 1997 года, стала определять **перечень сведений, составляющих государственную тайну**. Именно тогда, 9 октября 1997 года, положения статьи 5 Закона «О государственной тайне» были приведены в соответствие с Конституцией России. **Таким образом, до указанной даты в России отсутствовал соответствующий требованиям Конституции перечень сведений, составляющий государственную тайну.** Это обстоятельство исключает уголовную ответственность за незаконное распоряжение сведениями, составляющими государственную тайну, совершенное в период с 25 декабря 1993 года по 9 октября 1997 года.

Именно такую правовую позицию занимала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая в кассационном порядке схожее дело по обвинению А.К. Никитина:

*«Согласно положениям ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года и действовавшей в период совершения Никитиным инкриминируемых ему преступлений, перечень сведений, составляющих государственную тайну, должен быть определен федеральным законом. Такой перечень **впервые** был определен Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О государственной тайне» от 6 октября 1997 года.*

*Принимая во внимание, что в период совершения Никитиным **именных ему действий отсутствовал соответствующий требованиям Конституции РФ перечень сведений, составляющих государственную тайну** сведения собранные и переданные им*

Доводы кассационного протеста о правомерности обвинения Никитина в соответствии с положениями ч. 1 ст. 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года несостоятельны. Этот закон ... применению не подлежал, поскольку в нем отсутствовал перечень сведений, составляющих государственную тайну, а в ст. 5 названного закона говорилось только о сведениях, которые могут быть отнесены к государственной тайне. Между тем в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ содержится требование об определении указанного перечня федеральным законом. Поскольку в ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года и ч. 4 ст. 29 Конституции РФ речь идет о различных объектах, с утверждением кассационного протеста о наличии в этих актах лишь терминологического несоответствия согласиться нельзя».

Президиум Верховного Суда Российской Федерации подтвердил правильность этой позиции, рассматривая дело А.К. Никитина в порядке надзора.

Согласно предъявленному обвинению, инкриминируемое Пасько деяние охватывалось периодом с 11 сентября 1997 года по середину сентября 1997 года. В этот период действовала старая редакция Закона «О государственной тайне», положения статьи 5 которого не соответствовали Конституции РФ и не могли применяться в силу пункта 2 Раздела II Конституции РФ. Между тем суд обосновал приговор ссылкой, в том числе, и на Закон «О государственной тайне» в старой редакции.

Так в приговоре (с. 2) указано:

«11 сентября 1997 года с намерением собрать для последующей передачи Тадаши Окано ... собрал сведения ..., которые, в соответствии с абзацем 6 пункта 1 и абзацем 5 пункта 4 статьи 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. № 5485-1..., составляют государственную тайну».

Таким образом, суд применил положения закона, не подлежащие применению в силу несоответствия Конституции РФ.

4.2. Как уже отмечалось, Пасько не было предъявлено обвинение в хранении сведений с целью их передачи в период с середины сентября по 20 ноября 1997 года.

Неправомерно изменив обвинение, суд подвел деяние под Закон РФ "О государственной тайне" от 21 июля 1993 года в редакции Федерального закона от 6 октября 1997 года № 131-ФЗ. В данной редакции Закон не подлежал применению, поскольку согласно обвинительному заключению деяние было закончено в середине сентября 1997 года.

5. Вывод суда о том, что Пасько имел намерения передать секретные сведения Тадаши Окано – журналисту японской газеты "Асахи Симбун" не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

Свой вывод о том, что Пасько собирал и хранил сведения, содержащие государственную тайну с целью их передачи Тадаши Окано, суд основал на следующих, как он посчитал, доказанных по делу фактах:

- Пасько не был допущен на разбор учений флота и присутствовал там **неправомерно** (с. 2, 16);

- сведения он хранил **незаконно** – по месту своего жительства (с. 2, 16);

- Тадаши Окано проявлял интерес к учениям флота в телефонных разговорах с Пасько;

- "внеслужебные отношения между Пасько и Окано являлись по своему характеру устойчивыми и составляли определенную **систему**". "Окано в июне-ноябре 1997 года многократно обращался к Пасько с **просьбами** о сборе материалов и информации по конкретным вопросам. При этом ни в одном случае Пасько не отказал Окано в удовлетворении его **просьб**, а напротив все **поручения** последнего исполнялись подсудимым **оперативно и качественно**" (с. 16);

- действия Пасько, связанные со сбором сведений об учениях флота, **вписывались в эту систему**, "не являлись исключением из нее, имея отличие лишь в том, что в данном случае эти действия были сопряжены со сведениями, составляющими государственную тайну" (с. 16);

- заключительные действия Пасько сведения, составляющие государственную тайну

занимаемой должности необходимы не были и практического применения в средствах массовой информации не имели" (с. 12).

Все эти факты либо ложны, либо противоречивы, либо нейтральны по отношению к предмету доказывания, либо опровергаются доказательствами, которым суд, в нарушение ст. 314 УПК РСФСР, не дал в приговоре никакой оценки.

5.1. Указание о том, что Пасько присутствовал на разборе учений флота "неправомерно", исключено из приговора кассационной инстанцией как выходящее за пределы предъявленного обвинения.

Суд пошел на заведомое нарушение закона, понимая, что без него обосновать виновность Пасько в шпионаже не удастся. При этом суд замолчал в приговоре показания свидетелей, заместителя командующего ТОФ Рязанцева и заместителя ответственного редактора газеты "Боевая вахта" Верховода. Между тем, первый показал, что Пасько неоднократно бывал на разборах учений и обсуждал с ним эти вопросы, поскольку они входили в круг обязанностей Пасько как начальника отдела боевой подготовки флотской газеты (т. 26, л.д. 69-71). Второй дал показания о том, что бывал на таких мероприятиях и также производил записи не в секретную тетрадь, а в блокнот (т. 24, л.д. 124). Закономерность присутствия представителей редакции газеты на разборе учений не вызвали бы у суда никаких сомнений, если бы он, соблюдая требования полноты и объективности оценки доказательств, учел факт нахождения четырех журналистов газеты на самих учениях, о чем Пасько сообщал Окано в телефонном разговоре (т. 30, л.д. 300 об.).

5.2. Место нахождения конспективных записей вообще не способно служить доказательством намерения передать сведения Окано. Скорее, наоборот, имея такую преступную цель, во избежание ненужных подозрений надежней и безопасней было хранить конспект на работе в сейфе.

5.3. Констатировав интерес, проявленный Окано к учениям в перепечатанных телефонных разговорах с Пасько, суд не дал оценки их

2951) беседа в части, касающейся учений, носила **общий, весьма поверхностный** характер и не сопровождалась какими-либо адресованными Пасько просьбами собрать и передать дополнительную информацию об учениях. Ни Окано не просил, ни Пасько не предлагал собрать какие-либо сведения по теме учений.

То, что содержанием перехваченных разговоров нельзя обосновать как желание Окано получить, так и намерение Пасько передать ему сведения об учениях флота, было, судя по всему, ясно органам предварительного следствия. Поэтому они **решились на прямой подлог**, указав в обвинительном заключении, что "в августе-сентябре 1997 года корреспондент газеты "Асахи Симбун" Тадаши Окано **неоднократно просил Пасько передать ему сведения** о проводившихся на Тихоокеанском флоте зачетно-тактических учениях мобильных сил, их особенностях и отличиях от предыдущих" (с. 9).

Утверждение о неоднократных просьбах – ложь. Эта ложь была использована на предварительном следствии, как уже отмечалось, для обоснования того, что Пасько **в середине сентября 1997 года передал** полученные сведения, кстати, не только Окано, но и другому японцу Такао Дзюн (с. 10 обв. закл.).

Но для обоснования будто бы состоявшейся передачи сведений органы предварительного следствия использовали достоверный факт, бесспорно установленный сводками телефонных разговоров на протяжении двух месяцев: **"После 11 сентября 1997 года разговоров на эту (учений) тему между Пасько и Тадаши Окано не зафиксировано"** (с. 45 обв. закл.).

Суд был обязан дать оценку этому факту – после отказа прокурора от обвинения в передаче сведений – утрата Окано интереса к учениям, о которых он не получил никаких сведений, свидетельствовала только о том, что в действительности получить их он не стремился и по этой причине никаких просьб к Пасько не обращал.

Но суд, продемонстрировав явную тенденциозность, обошел это веское оправдательное доказательство полным молчанием и **несомненный факт утраты Окано интереса к учениям еще до проведения Военного Совета 10-11 сентября остался в погояппе не объясненным.**

5.4. Присутствие Пасько на разборе учений флота и конспектирование выступлений его участников не только не вписываются в систему информационных взаимоотношений Пасько с Окано, но и очевидно выпадают из нее. Система эта, согласно приговору (текст процитирован выше), состояла в **оперативном и качественном** выполнении Пасько всех **поручений** Окано, удовлетворении всех его **просьб**.

Но Окано в отличие от других вопросов – например, утилизации атомных подводных лодок и химического оружия и переподготовки увольняемых в запас офицеров – **не просил и не давал поручений** Пасько предоставить сведения о прошедших учениях флота. Со своей стороны, Пасько "оперативно и качественно" и даже с запозданием и неточностями информацию, почерпнутую им на разборе учений, Окано не передал.

При столь явном несходстве включение темы учений в круг вопросов, по которым Пасько выполнял просьбы Окано и снабжал его сведениями, совершенно неоправданно.

5.5. Вывод суда о том, что полученные Пасько 11 сентября 1997 года на разборе учений флота сведения, содержащие государственную тайну, не были необходимы ему для журналистской работы и служебной деятельности, не вытекает из приведенных в приговоре доказательств и опровергается доказательствами, судом проигнорированными.

При оценке записей, произведенных Пасько, суд исходил из ошибочной посылки о том, что вся информация, собираемая журналистами и к тому же в неизменном виде, предназначена для обязательного опубликования. Закономерность журналистской работы как раз обратная – первичный материал осмысливается, оценивается, обрабатывается и публикуется в выбранной автором форме, а нередко не публикуется вовсе.

Конспект разбора учений представляет собой типичную рабочую заготовку. Пасько не отбирает для фиксации государственные секреты – сведения, признанные таковыми в приговоре, составляют лишь незначительную часть записей – он конспектирует подряд все выступления.

Судом не оценены показания Вилупалла бывшего заместителя

"Пасько приходил с заседания, рассказывал, мы обсуждали, что из массы материала можно опубликовать" (т. 24, л.д. 153).

Остались без оценки показания эксперта Кариха о том, что **разобраться** в том, о чем идет речь в конспекте, **без дополнительной информации невозможно** (т. 25, л.д. 148, 150).

Без всякого внимания оставил суд важнейшее доказательство – написание Пасько всего за вечер в период судебного разбирательства – спустя четыре года! – по своему конспекту статьи о прошедших в 1997 году учениях флота (т. 32, л.д. 261-263).

Документы, на которых суд основал свой вывод, подтвердить его не в состоянии.

Свидетели Захаренко и Большаков, бывший командующий ТОФ и цензор, с которым Пасько находился в постоянном конфликте, высказали оценочные суждения, что сведения, содержащиеся в конспекте Пасько, не могли быть опубликованы в открытой печати, т.е. по существу выступили в роли экспертов.

Суд неосновательно расценил такие показания как доказательства ненужности для Пасько этих сведений, руководствуясь своим ошибочным представлением о характере журналистской деятельности (аргументация приведена выше).

Не являются такими доказательствами и свидетельские показания бывших ответственного редактора "Боевой вахты" Отекина и его заместителя Верховода, на которые сослался суд (с. 12). Во-первых, присутствие представителей редакции на Военном Совете ТОФ явно не имело целью опубликование в газете официальных сведений об учениях. В материалах дела имеются статьи, написанные Пасько об итогах учений 1993 и 1995 гг., также выпавшие из судебной оценки, не чисто информационного, а аналитико-публицистического характер (т. 32, л.д. 265-268). Во-вторых, суд искал значение показаний начальников Пасько: их свидетельства о том, что тот "в ущерб своим обязанностям **исходил из личных творческих целей**, не всегда связанных со стоящими перед редакцией задачами" (с. 13), доказывает как раз обратное – Пасько сам решал, когда и какого жанра материал ему публиковать. И если до момента ареста 20 ноября по теме учений флота им была

Искажены в приговоре показания свидетеля Рыжкова, начальника пресс-центра ТОФ (с. 12). В действительности, он утверждал прямо противоположное:

"Боевая вахта" не подчинялась пресс-центру. Деятельность журналистов флотской газеты пресс-центр не регулировал и не отслеживал... Газета и Пасько не обязаны были подчиняться пресс-центру... С законом "О СМИ" я знаком и работу журналистов я не регулировал" (т. 23, л.д. 126, 129, 137).

Из копий пресс-релизов с указанными в них адресатами рассылки видно, что ни в одной газете "Боевая вахта" среди таких адресатов не значится. (т.27, л.д. 160-166).

5.6. В приговоре отсутствует даже попытка объяснить, почему Пасько не предпринимал никаких попыток передать эти сведения кому-либо в достаточно продолжительный промежуток времени – с момента их получения (11 сентября 1997 года) до изъятия этих записей в ходе обыска по месту жительства (20 ноября 1997 года). Между тем, в этот период органы ФСБ осуществляли в отношении Пасько целый комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Вся его почта контролировалась, телефонные разговоры прослушивались, в квартире Пасько была установлена подслушивающая аудиоаппаратура, а сам он находился под наблюдением оперативных сотрудников. Таким образом, суд ушел от оценки того обстоятельства, что Пасько хранил свои записи в течение 10 недель, не предпринимая никаких попыток кому-либо их передать или договориться о передаче в будущем, фактически имея такую возможность. Кроме того, суд не учел, что изъятие рукописи также происходило в обстановке, не предполагавшей для Пасько возможности передать ее кому-либо.

В основу приговора положены сводки контроля телефонных переговоров, в том числе, по мнению суда, состоявшихся между Пасько и Окано в период, после того, как Пасько сделал записи на разборе ЗТУ (сводки № 3265 от 30-02 октября 1997 года, № 3297 от 3-6 октября 1997 года, № 3348 от 8 октября 1997 года, № 3643 от 2-3 ноября 1997 года, № 3678 от 5 ноября 1997 года, № 3699 от 6 ноября 1997 года) (т. 20 л.д. 304-321). В этот же период Пасько

факсимильных сообщений Пасько ни разу не обозначил свое намерение передать Окану собранные на разборе ЗТУ сведения.

13 ноября 1997 года Пасько убывал в Японию в служебную командировку и имел возможность взять этот документ с собой. При выезде в аэропорту он был тщательно досмотрен сотрудниками таможи и ФСБ, но рукописи при нем не оказалось. Следовательно, Пасько имел возможность предпринять попытки распорядиться собранными сведениями, однако не сделал этого.

Таким образом, доказательства, подтверждающих намерения Пасько передать свои записи кому-либо после 20 ноября 1997 года, органом предварительного расследования не представлено. Не добыто таких доказательств и во время судебного следствия.

В связи с вышеизложенным вывод суда о наличии у Пасько намерений передать Тадаши Окану сведения, составляющие государственную тайну, не соответствует фактическим обстоятельствам дела.

6. Суд грубо нарушил уголовно-процессуальный закон, основав приговор на недопустимых доказательствах.

При расследовании дела были допущены многочисленные нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие недопустимость доказательств.

6.1. Обыск в квартире Пасько 20 ноября 1997 года был произведен **ненадлежащим субъектом** – следователем Изотовым, не имеющим на то процессуальных полномочий (т. 5, л.д. 15-19).

- В нарушение ч. 1 ст. 170 УПК РСФСР обыск необоснованно проведен в **ночное время**.

- В протоколе обыска рукописные записи о разборе учений флота, состоявшихся 11 сентября 1997 года, **не значатся**.

- Протокол осмотра предметов и документов, изъятых в ходе обыска по месту жительства Пасько, **сфальсифицирован** (т. 5, л.д. 21-46). Эксперты, проводившие криминалистические исследования протокола в заключении № 389/01 от 15.06.99 г. (т. 20, л.д. 168-171), а также в заключении № 11 от 03.09.01 г. (т. 29, л.д. 223-238) пришли к выводу, что на некоторых листах

заключения эксперта № 381/02 от 18.06.99 г. (т. 20, л.д. 163-164) следует, что в текст этого протокола вносились не оговоренные участниками осмотра дописки.

- Военный суд Тихоокеанского флота, первоначально рассматривавший дело, исключил оба протокола из совокупности доказательств по делу и частным определением от 20 июля 1999 года (т. 21, л.д. 244-250) обратил внимание начальника УФСБ по ТОФ и военного прокурора Тихоокеанского флота на факты фальсификации материалов уголовного дела.

В обжалуемом приговоре суд поступил иначе и дал выявленным нарушениям такую оценку:

"Несмотря на установленные судом нарушения процессуального законодательства, допущенные органом следствия при обыске и осмотре, суд не находит оснований для признания их протоколов в части, подтверждающей изъятие у Пасько указанных рукописных записей, не имеющими юридической силы, поскольку эти нарушения не влияют на объективность вывода о принадлежности и хранении данных записей именно Пасько".

Откровенное заявление в приговоре о том, что человека можно осудить на основе доказательств, полученных с преступными нарушениями закона (фальсификация есть преступление), создает опаснейший прецедент, который, с учетом широкой известности дела Пасько, способен негативно сказаться на судебной практике в масштабах всей страны и скомпрометировать российское правосудие в глазах мирового сообщества.

6.2. В основу приговора положено заключение экспертизы от 14 сентября 2001 года. Суд посчитал, что выводы о наличии в записях Пасько сведений, составляющих государственную тайну, "в целом являются последовательными, достаточно аргументированными и основанными на правильном применении норм законодательства при экспертных оценках".

6.2.1. Между тем, при назначении экспертизы, производстве экспертных исследований и подготовке заключения экспертов от 14.09.01 г. были допущены нарушения требований УПК РСФСР и Закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской

В соответствии с ч. 1 ст. 7 Закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" при производстве судебной экспертизы эксперт независим, ... он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела.

Однако все лица, привлеченные судом для производства экспертизы, имели допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, оформленный в порядке ст. 21 Закона «О государственной тайне». В связи с этим имеются серьезные основания полагать, что при проведении экспертизы они не могли быть в полной мере объективными и независимыми.

В п. 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 27 марта 1996 года № 8-П указывается:

«Зависимость выбора обвиняемым адвоката от наличия у последнего допуска к государственной тайне противоречит также принципу состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, закрепленному в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Расследование большинства уголовных дел, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством возложено на органы Федеральной службы безопасности. Эти же органы согласно статьям 21 и 22 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» проводят проверочные мероприятия в отношении лиц, которым оформляется допуск к государственной тайне, и тем самым фактически определяют решение о его выдаче. При таких обстоятельствах адвокат объективно оказывается в зависимости от органов, осуществляющих уголовное преследование, что ставит защиту и обвинение в неравное положение».

В такой же зависимости от органов, осуществляющих уголовное преследование, находились и приглашенные судом эксперты. Все эксперты заявили, что у каждого из них имеется оформленный в ФСБ допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, и в случае лишения их представителями ФСБ этого допуска они сплыв же уплачат занимаемую

Таким образом, лица, имеющие оформленный органами ФСБ РФ допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, приглашенные судом для производства экспертизы не отвечали требованию независимости, предъявляемому к экспертам процессуальным законодательством.

6.2.2. В соответствии со ст. 78 УПК РСФСР, экспертиза назначается в случаях, когда необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле. Назначая экспертизу, суд мотивировал свое определение (том 29 л.д. 125-136) нуждаемостью в специалистах с **познаниями в области защиты государственных секретов**. Между тем, осталось неясным, **какую конкретную специальность** должны иметь эксперты. Нет указаний на наличие таких специалистов и в номенклатуре специальностей научных работников, утвержденной Приказом Миннауки РФ от 28.02.95 № 24.

Это обстоятельство фактически лишило защиту возможности предлагать суду свои кандидатуры экспертов и представлять свои формулировки вопросов им на разрешение.

Как пояснили эксперты, предполагаемые исследования состоят **только лишь в применении нормативных актов** (Закона «О государственной тайне», Указа Президента РФ от 30.11.95 № 1203, Приказа Минобороны № 055-96, Приказа Минатома № 035-96). Каких либо научных методик, подлежащих применению в ходе производства экспертиз, эксперты использовать не собирались и не использовали.

Таким образом, **вопросы, для разрешения которых были приглашены эксперты, носили правовой характер и выходили за рамки компетенции экспертов.**

6.2.3. Эксперт Порядный с 1989 по 2000 год проходил военную службу на 375 Береговой технической базе ТОФ. Как пояснил суду эксперт Карих, в 1997 году он проходил службу в Штабе ВМФ РФ и являлся «направленцем» по Тихоокеанскому флоту. По долгу своей службы Карих был знаком со всей документацией, касающейся зачетно-тактических учений сил Тихоокеанского флота, проходивших осенью 1997 года (т. 25, л.д. 146-147). При производстве

Как заявили эти эксперты в ходе допроса, знания **фактических** обстоятельств дела позволили им подготовить свою часть заключения. Не обладая такими **фактическими** познаниями, эти эксперты не смогли бы справиться с поставленной перед ними задачей (т. 25, л.д. 148).

Таким образом, **в состав экспертной комиссии входили лица**, которые наряду со «специальными познаниями» обладали еще знанием фактических обстоятельств, подлежащих установлению по делу, т.е. лица **являющиеся свидетелями**. Совмещение в одном лице функций эксперта и свидетеля является недопустимым в силу требований п. 1 ст. 59, п. 1 ст. 67 УПК РСФСР. Однако, это обстоятельство не было учтено судом при оценке экспертного заключения.

6.2.4. В соответствии с ч. 3 ст. 16 Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», **эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для производства экспертизы**. В ходе производства судебной экспертизы **этот запрет был нарушен**.

Так, в своем заключении эксперты прямо указывают на то, что в ходе производства экспертизы ими исследовались не только те материалы, которые были переданы им судом, но и другие – собранные ими дополнительно (см. стр. 27, 31, 33, 35, 36, 43 заключения).

Кроме того, в ходе допроса некоторые эксперты подтвердили, что по своей инициативе собирали дополнительные справки, опрашивали офицеров ТОФ, фамилиями которых порой даже не интересовались, получали какую-то информацию по телефону от своих знакомых. В результате бесконтрольной деятельности экспертов суд был лишен возможности проверить **достоверность источников собранной ими информации**.

Так, на допросе в судебном заседании 19.09.01 эксперт Трунов заявил, что он встречался с должностными лицами УРАВ ТОФ и опрашивал их по документу «III. Утилизация оружия и вооружения», беседовал с начальником УРАВ ТОФ Моисеенко И.Д., его заместителем Лысьм М.В., начальником отдела Мизюльченко Ю.В. и другими офицерами этого управления. Эксперт Порядный

аварии» с неким Тихоновым Виталием Дмитриевичем, которого, по выражению самого эксперта, считает «ходячей энциклопедией». Эксперт Карих в ходе допроса показал суду, что для дачи заключения по рукописному документу ему пришлось опрашивать офицеров Управления боевой подготовки и Оперативного Управления ТОФ, кроме того, он самостоятельно запрашивал и исследовал дополнительные документы (т. 25, л.д. 146). Точно также поступали и другие эксперты.

Эксперт Репин, который фактически являлся экспертом-организатором, подтвердил, что при подготовке заключения «комиссия привлекала посторонние документы», эксперты общались с лицами, которые были знакомы им ранее по службе. Круг таких лиц суд экспертам не определял. Общение экспертов с офицерами происходило через соответствующих начальников, к которым по своей инициативе обращался сам Репин.

Такая инициативная деятельность экспертов является нарушением порядка производства исследований.

6.2.5. В соответствии со ст. 191 УПК РСФСР заключение эксперта состоит из трех частей: вводной, исследовательской и выводов. При этом в исследовательской части заключения излагается процесс исследования: краткое описание исследуемых объектов, примененные при исследовании методы и полученные результаты, способы и приемы сравнительного исследования выявленных признаков и другие обстоятельства. Процесс исследования по решению каждого вопроса, поставленного перед экспертами, излагается в отдельном разделе.

Такие же требования к содержанию экспертных заключений предъявляет Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Так, в соответствии с ч. 2 ст. 25 этого закона, в заключении комиссии экспертов должны быть отражены содержание и результаты исследований с указанием примененных методов.

Эти требования законодательства при производстве экспертизы соблюдены не были.

Так сам эксперт Репин в ходе допроса вынужден был согласиться с

В связи с тем, что в заключении экспертов от 14 сентября 2001 года (как и в других имеющихся в деле аналогичных заключениях) отсутствует исследовательская часть, то невозможно определить, какие сведения эксперты исследовали, на основании каких обстоятельств и каких проведенных исследований эксперты пришли к своим выводам.

Кроме того, большинство выводов заключения, в том числе, по мнению самих экспертов, имеют вероятностный характер, на недопустимость чего указывал Пленум Верховного Суда СССР в п. 14 Постановления от 16 марта 1971 года № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

6.3. Приняв выводы экспертов по эпизоду с конспектом разбора учений флота, суд отверг их выводы по другим эпизодам обвинения, фактически **изобличив при этом в некомпетентности**. В приговоре отмечено, что эксперты делали "юридически некорректные ссылки", формулировали "необъективные выводы", "поверхностно исследовали предмет экспертизы", их "суждения противоречат принципам, закрепленным в Законе "О государственной тайне", они "ошибочно толковали и применяли правовые нормы", не могли даже верно определить, что такое "координаты объекта". **В силу п. 4 ч. 1 ст. 67 УПК РСФСР эксперты подлежали отводу**. Не удивительно, что их выводы по единственному эпизоду, принятые судом, являются неправильными.

7. Конспект разбора учений флота не содержит сведений, составляющих государственную тайну.

7.1. В своем заключении эксперты пришли к выводу, что в рукописных записях имеются «сведения о наличии в составе ЗТУ частей военной разведки (38 брзк, 4 МРО)», а также «сведения, раскрывающие действительные наименования особоважных и режимных ... соединений и частей (10, 26 дпл, «К-442)», которые согласно примечанию 1 к пункту 240 Приказа МО № 055-96 являются секретными.

Согласно примечанию 1 к п. 240 Приказа МО РФ № 055-96,

или объекта, не подпадающих под действие международных договоров (соглашений), а также действительное наименование соединения, воинской части, учреждения, подразделения военной разведки.

Как видно из содержания рукописных записей, в них **действительные наименования** воинских частей только фрагментарно упоминаются. При этом, не приводится каких-либо дополнительных данных, указывающих на конкретные воинские части. На это обстоятельство обратил внимание эксперт Карих во время его допроса в судебном заседании (т. 25, л.д. 148, 150-151, 153). Этот эксперт пояснил, что без дополнительной информации невозможно разобраться, о чем идет речь в рукописных записях.

Выделенные экспертами цитаты не являются **сведениями**, поскольку лишены признака информативности, присущему понятию «сведения». Сведения - это сообщение о каком-либо факте. Из содержания этих записей и приведенных экспертами цитат невозможно понять, о каких фактах сообщается.

Автор записей исполнил их без соблюдения общепринятых правил письменного изложения информации. Отсутствие определенной системности записей делает невозможным для постороннего лица понять, о чем идет в них речь. Как показал в судебном заседании эксперт Карих, без дополнительных пояснений выявить смысл этих записей невозможно.

Таким образом, как из содержания приведенной экспертами цитаты, так и из записей в целом невозможно понять, **о каких конкретно воинских частях идет речь**. Поэтому нельзя утверждать, что в записях **раскрыты** действительные наименования **конкретных** режимных объектов.

Кроме того, сведения об этих воинских частях, в том числе их действительные наименования, с указанием объединений и соединений, в состав которых они входят, места их базирования, публиковались ранее в различных открытых источниках, в частности Справочнике А.С. Павлова «Военные корабли России 1997-1998г.г.», изданном в 1997 году (далее «Справочник Павлова») и в более ранних изданиях (т. 28, л.д. 50-82, 122-126). В справочнике имеются ссылки на то, что в состав Тихоокеанского флота входят *38 бригада разведкораблей 10 и 26 дивизия подводных лодок*

судебном заседании эксперт Карих. Сделанный в заключении вывод экспертов о том, что на степень секретности информации никак не отражается факт ее опубликования в открытых источниках, противоречит закрепленным в статье 6 Закона «О государственной тайне» принципам законности, обоснованности и своевременности засекречивания сведений и их носителей. При этом действующим законодательством применение санкций за получение, хранение и распространение общедоступных сведений, не предусмотрено.

Это обстоятельство явилось одним из оснований для признания судом необоснованным той части обвинения Пасько, которая касается эпизода с документом «Перечень ПЛА, на которых имели место ядерные и радиационные аварии».

Таким образом, принятый судом за основу приговора вывод экспертов о том, что в тексте рукописных записей раскрыты составляющие государственную тайну действительные наименования конкретных соединений и частей, является ошибочным.

Следует также отметить, что в материалах дела имеется заключение комиссии экспертов при 8 Управлении Генерального штаба ВС РФ от 22.12.97 (т. 7, л.д. 195-198), согласно которому **в рукописных записях не обнаружено сведений, раскрывающих действительные наименования воинских частей, подпадающие под пункт 240 Приказа МО № 055-96.** Принимая выводы экспертной комиссии, готовивших заключение в судебном заседании, суд первой инстанции не указал, по каким причинам он отверг противоречащие им выводы заключения от 22.12.97.

7.2. Кроме того, как в заключении экспертов, так и в приговоре содержится ошибочная ссылка на положения абзаца 6 пункта 1 статьи 5 Закона «О государственной тайне» (*сведения о ... действительных наименованиях... войск И состоянии их боевого обеспечения...*).

С учетом установленных Указом № 1203 и Приказом МО № 055-96 правил толкования союза «и» при перечислении сведений, степень секретности устанавливается для всех сведений в совокупности. То есть, для зашифрования конкретной информации со ссылкой на абзац 6 пункта 1 статьи

совокупности сведения: как о действительных наименованиях войск, так и о состоянии их боевого обеспечения.

Таким образом, одни лишь сведения о действительных наименованиях, без данных о состоянии боевого обеспечения не подпадают под положения статьи 5 Закона «О государственной тайне», а потому не подлежат засекречиванию.

Как видно из содержания рукописных записей, в них не раскрывается состояние боевого обеспечения тех войск, действительные наименования которых упомянуты в документе. Это подтвердил в судебном заседании эксперт Карих (том 25 л.д. 154 абзац 2).

Следовательно, эксперты и суд ошибочно квалифицировали процитированные сведения по абзацу 6 пункта 1 статьи 5 Закона «О государственной тайне».

7.3. Эксперты также пришли к выводу, что в рукописных записях раскрываются сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы (РЭБ) в ходе учений.

В экспертном заключении от 14.09.01 указано, что эти сведения подпадают под действие ... пункта 129 Приказа МО РФ № 055-96.

Согласно пункту 129 Приказа МО РФ № 055-96, засекречиванию подлежат сведения, раскрывающие деятельность воинских частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений и тренировок. Этот пункт имеет вторую часть (абзац), согласно которому засекречиванию подлежат те же сведения по подразделениям комплексного технического контроля. Причем степень секретности сведений дифференцирована в зависимости от уровня воинского формирования, которого эти сведения касаются:

пункт 129: Сведения о деятельности воинских частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений и тренировок
3. – СС, 4. – С, 5. – С, 6. – С, 7. – Н, 8. – Н, 9. – С, 10. – С, 11. – Н, 12. – Н.
Те же сведения по подразделениям комплексного технического контроля:
3. – С, 4. – С, 5. – Н, 6. – Н, 7. – Н, 8. – Н, 9. – Н, 10. – Н, 11. – Н, 12. – Н.

где

5. – сведения по армии, **флотилии**, ВВС, тылу флота, управлению военного округа, **группе войск**, центру тылового обеспечения
  6. – сведения по корпусу, эскадре, военно-морской базе, военно-морскому району, дивизии
  7. – сведения по бригаде, **полку**, училищу летчиков (штурманов), отдельному батальону, дивизиону, эскадрилье, кораблю 1, 2 и 3 ранга
  8. – сведения по учреждению, базе, ВУЗу, предприятию и организации МО РФ
  9. – сведения по ракетной армии, отдельной армии ПВО, флотилии АПЛ, режимному полигону
  10. – сведения по режимному соединению, арсенале, базе
  11. – сведения по режимной воинской части
  12. – сведения по режимному учреждению, ВУЗу, предприятию и организации МО РФ и другим режимным объектам.
- СС – совершенно секретно
С – секретно
Н – несекретные сведения.

Во-первых, в записях Пасько речь идет о 217 полке РЭБ. Между тем, в соответствии с п. 129 Приказа МО РФ № 055-96, **сведения о деятельности частей РЭБ по полку – несекретны.**

Во-вторых, допрошенный в судебном заседании 19.09.01 эксперт Карих показал, что в цитате приводятся данные по подразделениям комплексного **технического контроля**, которые обеспечивали деятельность **флотилии или группы войск** в ходе учений (том 25 л.д. 161). При этом эксперт пояснил, что эти сведения надо квалифицировать по **столбцу 5 части 2 пункта 129 Приказа МО РФ № 055-96**. Как отмечено в протоколе судебного заседания (том 25 л.д. 160), эксперт заявил: *«Я ошибся, данные сведения классифицировал по столбцу № 5 п. 129»*. Между тем, как это видно из содержания столбца 5 части 2 пункта 129 Приказа МО РФ № 055-96, такие сведения также являются **несекретными**, с чем эксперт был вынужден согласиться в ходе допроса (т. 25, л.д. 164).

Таким образом, принятый судом за основу приговора вывод экспертов о том, что в тексте рукописных записей раскрываются секретные сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений, является ошибочным.

«О государственной тайне» (сведения о **методах и средствах** защиты секретной информации).

С учетом установленных Указом № 1203 и Приказом МО № 055-96 правил толкования союза «и» при перечислении сведений, степень секретности устанавливается для всех сведений в совокупности. То есть, для засекречивания конкретной информации со ссылкой на абзац 5 пункта 4 статьи 5 Закона «О государственной тайне», необходимо, чтобы она содержала сведения: как о методах, так и о средствах защиты секретной информации.

Очевидно, что далеко не вся информация о деятельности воинских частей радиоэлектронной борьбы в ходе учений и тренировок будет раскрывать сведения о **методах и средствах** защиты секретной информации. Так, свидетель Ефимов – бывший начальник службы РЭБ ТОФ, на вопрос защитника категорически заявил, что в **рукописных записях, содержание части которых соответствует его выступлению на разборе ЗТУ, отсутствуют сведения о средствах** защиты секретной информации. Кроме того, свидетель привел примеры, назвав конкретные средства защиты секретной информации, и еще раз заявил о том, что в рукописном документе отсутствует информация о подобных средствах (т. 25, л.д. 168-169).

Между тем, суд в приговоре (стр. 7 абзац 4) указал:

*«Как пояснил суду свидетель Ефимов, в рукописных записях Пасько изложены подлежащие засекречиванию сведения о деятельности частей радиоэлектронной борьбы по обеспечению учений войск и сил Тихоокеанского флота, а именно о **средствах и методах** радиоэлектронного контроля секретной информации и пресечения ее утечки».*

Таким образом, ссылка в приговоре на показания этого свидетеля не в полной мере соответствует содержанию протокола судебного заседания.

Само по себе воинское формирование, в частности полк РЭБ, не может рассматриваться как средство защиты секретной информации, поскольку в абзаце 5 пункте 4 статьи 5 Закона «О государственной тайне» под термином средства имеются в виду технические устройства и приспособления.

Кроме того, как показал суду эксперт Карих, метод защиты секретной информации в цитате только упомянут: «*подавления частот*». Следующая

Следовательно, эксперты и суд ошибочно квалифицировали процитированные сведения по абзацу 5 пункта 4 статьи 5 Закона «О государственной тайне».

x

x

x

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, в противоречии с нарушениями уголовного и уголовно-процессуального закона, допущенными судом первой инстанции, не усмотрела оснований к отмене приговора.

При этом доводы кассационных жалоб в определении кассационной инстанции остались не опровергнутыми.

К сожалению, Военная коллегия, так же, как и Тихоокеанский флотский военный суд, исходила из искаженного представления о существовании журналистской деятельности. Именно такое представление, по мнению защиты, обусловило согласие кассационной инстанции, вопреки имеющимся в деле доказательствам, с ошибочным выводом Тихоокеанского флотского военного суда о том, что у Пасько отсутствовала необходимость в получении признанной секретной информации для его журналистской работы.

Исключив из приговора указание о "неправомерности" присутствия Пасько на разборе учений ТОФ, являвшееся очевидным выходом за пределы предъявленного ему обвинения, Военная коллегия не дала этому нарушению необходимой уголовно-правовой оценки. Между тем, констатация такого нарушения должна была повлечь не изменение приговора, а его отмену, поскольку она устраняет квалификацию действий Пасько в качестве шпионажа.

Отстаивая законность и обоснованность приговора, Военная коллегия разделила очевидно абсурдные суждения свидетеля Ефимова и эксперта Кариха о том, что **средством** защиты секретной является сам полк РЭБ, поэтому само упоминание о его существовании составляет государственную тайну (с. 16 опр.).

Написана судом кассационной инстанции и презумпция невиновности. R

“Тот факт, что Пасько не вывез в Японию вместе с другими документами секретные записи об итогах учений Тихоокеанского флота во время посещения им этой страны в середине ноября 1997 г., на что обращается внимание в жалобах осужденного и его защитников, не может свидетельствовать об отсутствии у него умысла на передачу Окану этих записей в другое время и в иной обстановке” (с. 24 опр.).

Военная коллегия тем самым перемещает обязанность доказывания на обвиняемого и открыто декларирует допустимость основывать обвинительный приговор на предположениях.

Искажено в определении и содержание предъявленного Пасько на предварительном следствии обвинения: непонятно, как можно писать о том, что обвинение охватывало период хранения сведений до 20 ноября 1997 года, тогда как в обвинительном заключении утверждается, что сведения эти были переданы Окану в середине сентября 1997 года (с. 26).

То же самое можно сказать о тексте определения, в котором кассационная инстанция пытается доказать недоказуемое, а именно то, что в протесте государственных обвинителей на приговор военного суда Тихоокеанского флота от 20 июля 1999 года оспариваются не четыре эпизода обвинения, среди которых отсутствует эпизод с разбором учений флота, в все десять эпизодов (с. 27). Протест говорит сам за себя (подробная аргументация приведена в первом разделе жалобы).

Иначе как дань правовому нигилизму, что выражается в пренебрежении процессуальной формой доказывания и в отрицании самостоятельной ценности прав личности в уголовном судопроизводстве, позицию кассационной инстанции расценить нельзя.

На основании изложенного, в соответствии со статьей 376, п. 2 ч. 1 ст. 378, п.п. 2,3,4 ст. 342 УПК РСФСР,

просим:

Истребовать уголовное дело, принести протест на предмет отмены

от 25 июня 2002 года и прекращении производства по данному уголовному делу, на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ, за отсутствием в действиях Пасько Г.М. состава преступления.

Приложение:

1. Копия приговора Тихоокеанского флотского военного суда от 25.12.2001 г.
2. Копия определения Военной коллегии Верховного Суда РФ от 25.06.2002 г.
3. Правовое заключение проф. Наумова А.В.

" ____ " _____ 2002 года

Г. РЕЗНИК

И. ПАВЛОВ

Согласовано А. ПЫШКИН